

эта передача приобретенных признаков не такая простая вещь. Если человек съест лишний килограмм сахара, это еще не значит, что у него изменится форма черепа или еще что-нибудь. Вопрос в том — когда, что и как изменится. В работах Т. Д. Лысенко на этот счет даны очень определенные указания: наследственные изменения происходят только тогда, когда воздействия внешней среды достигают половых клеток. Не буду защищать термин «генная среда»: он, действительно, мало удачен. Но все же должен сказать, что понятие о «генной среде» было отражением той мысли, что в передаче наследственных свойств определенную роль играют не только хромосомы и гены, но и плазма. Не думаю, чтобы в последних моих работах было что-нибудь, сильно противоречащее изложенному принципу».

Т. А. Трофимова в заключительном слове отметила положительное значение дискуссии, развернувшейся на заседании, в которой приняли участие почти все антропологи Москвы и Ленинграда. Несомненно, что обсуждение антропологических работ на широком собрании более плодотворно, чем их проработка в небольших разрозненных группах. Остановившись на ошибках, имеющихся в ее прежних работах, Т. А. Трофимова сказала: «Как известно, я работаю преимущественно по проблемам этногенеза, используя антропологический материал как исторический источник; и правильно говорил здесь В. П. Якимов, что целый ряд вопросов для меня, как и для некоторых других антропологов, слишком специальных, мною просто не затрагивается. Это вопросы о том, почему происходят брахицефализация, грацилизация. Я лишь принимаю это как факт, констатируя, что в одних группах этот процесс идет быстрее, в других — медленнее. В вопросе объяснения брахицефализации я в 1941 г. недостаточно продуманно солидаризировалась с генетической трактовкой, предлагаемой В. В. Бунаком. Но это лишь частность, а важно то, что все мы, и я в том числе, хestia и не писали о формальной генетике, о генах, но все-таки стояли на формально-генетических позициях. Тут сказывалась недостаточная увязка с теоретическими работами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которые мы осваивали и преломляли в аспектах, необходимых нам для разрешения вопросов антропо- и расогенеза. Мы хорошо осознали, что труд создал человека, но для нас еще далеко не ясно, как шел этот процесс. Формальная генетика довела над нами, и мы не осмеливались сделать решительный шаг и признать, что приобретенные признаки наследуются. Ознакомившись еще в 1941 г. с работами Мичурина, которые произвели на меня очень большое впечатление, я не учла значения мичуринского учения о наследственности для антропологии. Вопрос о том, наследуются ли приобретенные признаки, казалось мне раньше, решают ботаники или зоологи, антропологам же надлежит подождать; пока этот вопрос будет разработан. Эта выжидательная позиция совершенно непростительна. Мы сумели в свое время освоить положения Н. Я. Марра и сделать выводы из его учения о языке для антропологии, а с учением Мичурина этого не получилось, и это большая наша промаха».

Подводя итоги заседания, М. Г. Левин заявил: «Сегодняшнее обсуждение, несомненно, должно явиться вступлением к очень большой работе, стоящей перед антропологами. Вскрывая ошибки прошлого, мы делаем только первый шаг на пути разработки проблем антропологии с новых теоретических позиций. Это первая — критическая и необходимая часть, но это только начало того большого пути, который всем нам, антропологам, предстоит совместно проделать. Обращаясь к причинам того, почему мы, антропологи, допустили отмеченные сегодня ошибки в своих собственных работах, мы убеждаемся в своей недостаточной методологической вооруженности, недостаточном творческом освоении заветов Маркса и Энгельса, указаний Ленина и Сталина. Мы должны внимательно и творчески работать над произведениями классиков марксизма-ленинизма, постоянно помнить о необходимости поднимать свой теоретический уровень, — в этом залог того, что в будущем мы сумеем таких ошибок избежать!»

Н. Чебоксаров

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТ М. О. КОСВЕНА

26 и 27 октября на объединенном заседании редакции журнала «Советская этнография» и группы общей этнографии прошло обсуждение теоретических статей профессора М. О. Косвена, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1946—1948 гг.

Председательствующий С. П. Толстов в своем вступительном слове отметил, что за последний год в Институте стало обыкновением систематическое обсуждение работы секторов, отдельных работников и их печатной продукции. Так, с большой пользой для коллектива Института прошло обсуждение работы фольклорного сектора и его руководителя — профессора П. Г. Богатырева; в связи с итогами сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук было проведено обсуждение антропологических работ при широком участии антропологов Москвы и Ленинграда. Настоящее заседание, сказал С. П. Толстов, имеет целью обсудить опубликованные в нашем журнале в 1946—1948 гг. теоретические статьи М. О. Косвена, посвященные общим проблемам этнографии. Часть из них («Авункулат», «Семейная община», «Бахофен и русская наука») вызвала возражения и критику как со стороны некоторых работников

Института, так и извне, в связи с чем решено провести широкое обсуждение этих статей.

Л. П. Потапов подчеркнул значение принципиальной критики и борьбы со всякого рода отклонениями от взглядов основоположников марксизма-ленинизма и с извращением их идей. Он сообщил, что при обсуждении статьи проф. Косвена «Авункулат» на группе общей этнографии в Ленинграде большая часть товарищей пришла к выводу, что основная ошибка, допущенная М. О. Косвенем в этой статье, заключается в датировке возникновения авункулата переходным периодом от матриархата к патриархату, что, по мнению самого Л. П. Потапова и других товарищей, принявших участие в обсуждении, означает отход от позиции Энгельса в данном вопросе. Самое определение авункулата в статье дано нечетко. В статье «Семейная община» по мнению Л. П. Потапова, также имеет место отклонение от положений Энгельса: большая семья объявляется основной ячейкой первобытного общества; патриархальная семья рассматривается вне той исторической обстановки, в которой она бытует. Л. П. Потапов указал также, что в статье «Бахофен и русская наука» имеются серьезные ошибки, заключающиеся в недооценке вклада ленинизма в науку о первобытном обществе и в неверной периодизации развития русской науки. К последнему вопросу М. О. Косвен подошел формально, рассматривая лишь отношение того или другого деятеля к теории Бахофена. Вина в появлении подобных ошибок, допущенных М. О. Косвенем, несмотря на то, что он всей своей многолетней работой доказал всю верность идеям марксизма-ленинизма, падает не только на М. О. Косвена, но и на дирекцию Института и редколлегия журнала, во-время не обративших внимания на эти ошибки, а также на тех товарищей, которые эти ошибки заметили, но не были достаточно активны в своем стремлении помочь М. О. Косвену их исправить.

С. М. Абрамзон в своем выступлении упомянул, что ему уже пришлось обратить внимание на некритическое отношение проф. Косвена к отдельным работам зарубежных ученых (рецензия М. О. Косвена на одну из работ Маргарет Мид); эта же некритичность сказалась и в теоретических статьях М. О. Косвена. В статье «Авункулат» С. М. Абрамзон видит несколько принципиально ошибочных положений, проистекающих от отсутствия в статье четкой теоретической марксистской позиции. С. М. Абрамзон выразил сомнение в существовании особого периода перехода от матриархата к патриархату, к которому М. О. Косвен, по его мнению, относит все неясное, не укладывающееся в рамки конкретной стадии развития матриархата или патриархата (авункулат, обычай «возвращения домой» и др.). Вместе с тем проф. Косвен не использовал указания Энгельса о переходном характере большой патриархальной семьи.

Профессор Равдоникас заявил, что свое отрицательное мнение о теоретических работах М. О. Косвена он изложил в статье, присланной в редакцию журнала «Советская этнография», а также в отзыве на рукопись М. О. Косвена «Первобытная культура», направленную ему на заключение. В. И. Равдоникас остановился на разборе отдельных теоретических статей проф. Косвена. Основные ошибки статьи «Бахофен и русская наука» проф. Равдоникас видит в игнорировании ленинского этапа в развитии учения о первобытном обществе, в некритическом отношении к работам народников, в неправильной характеристике отдельных представителей русской общественной мысли периода 70—90-х годов прошлого столетия. В статье «Семейная община» М. О. Косвен, по мнению проф. Равдоникаса, идеализирует патриархальную семейную общину, рассматривая ее с народнической точки зрения. В работах М. О. Косвена проф. Равдоникас усматривает целую систему ошибок, представляющих отход от линии классиков марксизма-ленинизма.

С. А. Токарев подчеркнул, что при критике работ М. О. Косвена нельзя забывать его заслуги в области изучения первобытного общества, а также его ценные работы по истории этнографической науки. Обращаясь к разбираемым статьям С. А. Токарев сказал, что основными ошибками М. О. Косвена является некоторое стремление к упрощению, схематизму (например, в периодизации: матриархат — переходный период — патриархат) и забвение принципов историзма. В результате этого получается невольное соскальзывание к эволюционизму и компаративизму. Анализ авункулата ведется в плане формально-схематических сравнений. С. А. Токарев возражает против обвинения М. О. Косвена в расхождении с Энгельсом: М. О. Косвен допустил ошибку, не упомянув в работе высказывания Энгельса, но это объясняется своеобразиями академическим снобизмом — автор счел излишним приводить всем известные цитаты.

П. И. Кушнер солидаризируется с заявлением проф. Токарева о том, что работы М. О. Косвена пролагают новые пути в этнографической науке. Нашими исследователями сделано очень многое в области изучения матриархата, учения о сущности патриархальных отношений, но период перехода от матриархата к патриархату почти не разработан, и здесь М. О. Косвен внес много нового. Далее П. И. Кушнер заявил, что по вопросу об авункулате он не согласен с теми, кто упрекает М. О. Косвена в отступлении от концепции Энгельса, ибо они, держась за букву, забывают смысл цитаты из Энгельса. Понимание авункулата тов. Лихтенберг, например, ничем общим с марксизмом не имеет, ибо она путает матриархат с матрилинейным счетом родства. Несомненно, что отсутствие в некоторых случаях цитат из классиков мар-

ксизма приводит к недоразумениям, и в дальнейшей работе этот крупный недостаток нужно устранить. В статье о семейной общине М. О. Косвен допустил ошибку, расширив понятие большой семьи включением в него и семейных групп эпохи матриархата. Статья «Бахофен и русская наука», продолжал П. И. Кушнер, сыграла свою положительную роль, показав, что русская наука первая откликнулась на идеи Бахофена. Но в этой статье допущена ошибка, заключающаяся в одностороннем и формальном подходе к историографии.

И. И. Потехин подчеркнул, что дело не в том, привел или не привел М. О. Косвен цитаты из произведений классиков марксизма. Есть и такие исследователи, которые обильно цитируют классиков марксизма, а пишут нечто обратное. Требуется не цитата, а правильное и точное изложение взглядов классиков марксизма по исследуемому вопросу. Это абсолютно необходимо, когда исследователь высказывает точку зрения, отличную от взглядов классиков марксизма, а точка зрения М. О. Косвена безусловно отлична от взглядов Энгельса. Относя происхождение авункулата к переходному от матриархата к патриархату периоду, М. О. Косвен привел примеры из этнографии народов Африки, но племена ашанти, гереро и др. не могут служить образцами обществ, имеющих развитый институт авункулата, у них остались лишь пережитки этого порядка. И. И. Потехин усматривает в изображении М. О. Косвенем смены матриархата патриархатом тенденцию к эволюционизму и отход от Энгельса, который говорил о радикальной революции, приведшей к смене материнского строя отцовским. Совершенно недопустима принятая в статье «Бахофен и русская наука» периодизация развития русской общественной мысли, — это произошло потому, что М. О. Косвен забыл о принципе партийности, необходимом для правильного освещения вопросов историографии.

Г. Г. Стратанович высказал мнение, что за последние годы в работах М. О. Косвена наблюдается некоторый шаг назад, по сравнению с прошлым. Особое внимание Г. Г. Стратанович обратил на недостатки статьи «Бахофен и русская наука», о которых уже упоминалось.

С возражениями к некоторым выступавшим товарищам обратился М. М. Ихтилов. Подтверждая положения проф. Косвена о времени возникновения авункулата, т. Ихтилов привел примеры из жизни народов Кавказа. Он сообщил, что и сейчас у азербайджанцев сохранились пережитки авункулата. Он привел также доказательства в пользу существования семейной общины в классовом обществе, в частности у горцев Дагестана. М. О. Косвен не мог быть близок по своим взглядам к народникам, заявил М. М. Ихтилов, уже потому, что он не склонен смешивать семейную общину, являющуюся родственным коллективом, с соседской общиной — гораздо более позднего происхождения.

М. Г. Левин выразил удовлетворение по поводу своевременного обсуждения теоретических работ М. О. Косвена, так как часть из них содержит ряд ошибок. Статья «Бахофен и русская наука», дающая новый и интересный материал, выступающая в защиту приоритета русской науки в области разработки проблемы первобытного общества, содержит вместе с тем серьезные ошибки в характеристике этапов развития русской общественной мысли. Вину автора в данном случае разделяют и члены редколлегии и сам М. Г. Левин в том числе. М. Г. Левин не согласился с теми из выступавших, которые видят в статье «Авункулат» ревизию положений Энгельса. В этой статье проф. Косвен разъясняет, почему институт авункулата так стоек, и раскрывает в эпохе перехода от матриархата к патриархату те силы, которые сохраняли обычай авункулата и способствовали его живучести не только в патриархальном, но и в классовом обществе. Но М. О. Косвен не придал значения ранним формам авункулата, не показал его в развитии. Это его ошибка, но не отступление от взглядов классиков марксизма. Что же касается статьи о семейной общине, то М. О. Косвен не показал должным образом качественного различия между семейной общиной раннего периода, когда она выступает как форма существования рода, и семейной общиной, возникающей при разложении родового строя. Однако, несмотря на отдельные ошибки, обсуждаемые работы М. О. Косвена в целом направлены против реакционных построений культурно-исторической школы, различных школ американских этнографов и других зарубежных течений в этнографии, отрицающих универсальность матриархата как стадии в истории первобытного общества, и в этом его несомненная заслуга.

Н. А. Бутинов напомнил, что в основном взгляды на авункулат были высказаны М. О. Косвенем еще в 1937 г., в ответ на статью Н. П. Дыренковой об алтайцах; в обсуждаемой статье «Авункулат» взгляды эти получили законченное оформление. По мнению Н. А. Бутинова, эта статья принадлежит к числу лучших работ М. О. Косвена. Здесь он глубоко вскрыл противоречивость фигуры материнского дяди в период перехода от матриархата к патриархату; дядя по матери — первое историческое лицо доклассового общества, поступки и психология которого реконструируются М. О. Косвенем с большой убедительностью. Н. А. Бутинов заявил, что согласен с автором статьи, относящим возникновение авункулата к переходному периоду. Приведя пример буквоедского отношения к работам классиков марксизма-ленинизма (предисловие Винникова к книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), Н. А. Бутинов заметил, что М. О. Косвен все же в одном случае не избежал ошибки: он преувеличил главенствующую роль женщины в матриар-

хальном обществе, что заставило его утверждать, будто основной ячейкой первобытного общества является семья. В статье «Семейная община» этот момент усугубляется, и самая статья начинается утверждением, что «семейная община, сначала материнская семья, потом отцовская» является основной ячейкой первобытного общества.

З. А. Никольская подчеркнула диалектичность, свойственную методу работы М. О. Косвена в разработке вопросов первобытного общества, и особенно отметила заслуги М. О. Косвена в разработке проблем, связанных с переходным периодом от материнского строя к отцовскому, в показе внутренней противоречивости существовавших в этот период институтов. Переходя к вопросу об авункулате, З. А. Никольская подчеркнула, что в условиях группового брака не могли возникнуть индвидуальные отношения между материнским дядей и племянником; они возникли и получили свое развитие гораздо позднее, при разложении материнского рода, при возникновении антагонизма между материнским родом и отцовским началом. З. А. Никольская выразила мнение, что работа М. О. Косвена «Авункулат» не построена схематично, как утверждал проф. Токарев, но что все ее положения подкрепляются живым конкретным этнографическим материалом.

С ответным словом выступил М. О. Косвен. Он в первую очередь возразил против таких приемов критики, когда из текста произвольно вырываются отдельные фразы, используемые для весьма серьезных обвинений. Такая критика, сказал М. О. Косвен, не имеет ничего общего с серьезной, товарищеской критикой, тем более, что в основном большая часть подобных обвинений не подкрепляется фактами. М. О. Косвен объяснил, что подвергнутые критике статьи являются фрагментами большой работы; статья «Авункулат» — часть работы по матриархату и переходному периоду от матриархата к патриархату; сюда же примыкают статьи об атальчестве, об обычаях «возвращения домой», некоторые доклады и пр. В 1933 г. опубликована статья о Бахофене, где были вскрыты идеалистические ошибки последнего; поэтому в статье «Бахофен и русская наука», являющейся частью книги «История проблемы матриархата», М. О. Косвен не считал необходимым повторяться. Тем не менее эти статьи не свободны от ошибок, и это частично объясняется трудностью и запутанностью разбираемых в них вопросов. Перейдя к отдельным критическим замечаниям, М. О. Косвен заметил, что наиболее тяжелый упрек, особенно в связи с теми выводами, которые при этом делаются, это упрек в недостаточном обращении к классикам марксизма-ленинизма. М. О. Косвен указал, что во всех своих работах он пользуется цитатами из классиков, когда это необходимо. Не соглашаясь с упреком в переоценке роли женщины при матриархате, М. О. Косвен привел высказывания Энгельса, Ленина и Сталина о преобладании женщины в эпоху расцвета материнского родового строя. Второй упрек — в идеализации первобытного общества — М. О. Косвен также отверг, сославшись на известное место книги Энгельса «Происхождение семьи...» Отвечая на выступление проф. Токарева, М. О. Косвен высказал мнение, что при изучении эпохи первобытного общества, не имеющей абсолютной хронологии, необходимо внесение какого-то порядка, пусть даже схемы, в качестве рабочей гипотезы. Он напомнил, как часто упрекали в схематизме Морган, а Энгельс поставил Моргану в заслугу «порядок, внесенный им в первобытную историю». М. О. Косвен согласился с мнением М. Г. Левина, считающего необходимым показать зачаточные и развитые формы авункулат и семейной общины. Статья об амазонках представляет определенный научный интерес, показывая на примере распространенности мифологического сюжета об амазонках универсальность матриархата как всемирно-исторической стадии развития общества. В статье «Семейная община» сделан упор на нескольких вопросах, наиболее важных и нужных для разработки более широких проблем, поэтому о материнской семье он упоминает лишь попутно. Сам термин «материнская семья», непонятный некоторым из присутствующих, взят у Энгельса (Mutterrechtsfamilie), что переводится несколько тяжеловесно: «семья, основанная на материнском праве». Профессору В. И. Равдоникасу не известен термин «малая семья» — это также выражение Энгельса (Einzelfamilie) и термин, давно существующий в русской литературе. Некоторые товарищи не поняли также выражения «превращение», видя здесь проявление эволюционизма. Проф. Равдоникас путает семейную общину с соседской, чем и объясняется его обвинение в близости автора статьи «Семейная община» к народническим настроениям. А. т. Абрамзон, критикуя данную статью, путает малую и большую семью. В статье разбирается семейная община поздней эпохи, но допущен конструктивный промах, заключающийся в том, что слишком бегло, одним броском, была показана связь патриархальной семейной общины с материнским родовым строем для того, чтобы опровергнуть утверждения буржуазных ученых, будто семейная община была создана искусственно благодаря фискальной политике правительства. Допущена также неловкость в формулировке, характеризующей семейную общину, как основную ячейку родового строя.

Статья «Авункулат» была рассчитана на узкий круг специалистов, поэтому в ней отсутствуют некоторые подробности. Цель статьи — разоблачить буржуазную реакционную науку, использующую авункулат для искажения сущности матриархата, для утверждения, что и при матриархате главенствовал мужчина (дядя со стороны матери). На эту удочку попались и некоторые наши товарищи, но они не смогли и не смогли найти ни одного факта из этнографии в подтверждение главенства брата матери в классическом матриархальном обществе. Порядок авункулат мог развиваться лишь

при разложении материнского рода, когда при сохранившейся матрилинейности и возникшем патрилокальном поселении в роде остаются мужчины — дяди со стороны матери, этиные возглавляющие хозяйственную и общественную жизнь рода. Этому сопутствует порядок «возвращения домой» и некоторые другие явления, на которые до сих пор этнографы не обращали внимания. В статье употребляется в отношении авукулата термин «переходное явление», а не «перехиток»; это также не противоречит терминологии, применяемой Энгельсом, который называл авукулат «след», «остаток», «кусочек» матриархата. Существует у Энгельса и выражение «Übergangsform», т. е. «переходная форма». Термин «перехиток» применяется в данной статье по отношению к поздним формам авукулата, сохранившимся в том или ином виде в патриархальных и даже классовых обществах. История авукулата рисуется следующим образом: зарождение авукулата у матриархате (не было бы матриархата — не было бы и авукулата), складывание специфических отношений между дядей и племянником в переходную от матриархата к патриархату эпоху, пережитки авукулата в патриархальных и классовых обществах. Те, которые утверждают, будто развитый авукулат уже существовал при матриархате, сами расходятся с Энгельсом. Энгельс, говоря об авукулате, ссылался на германцев Тацита, но, безусловно, Энгельс не считал, что у германцев времен Тацита сохранялся матриархат. В тексте соответствующая цитата опущена сознательно, так как одна ссылка на известное высказывание Энгельса о германцах времен Тацита делала введение цитаты излишним. Однако было совершенно необходимо в кратком историографическом введении к статье изложить точку зрения Энгельса на авукулат. По вопросу о переходном периоде от матриархата к патриархату ошибаются те, кто отрицает наличие такового. Буржуазная наука, стремящаяся оторвать матриархат от патриархата и показать, что разные народы идут различными путями, принадлежит к разным «пластам», «кругам», также отрицает существование этого переходного периода. «Моя позиция в данном вопросе, — сказал М. О. Косвен, — направлена против этих реакционных установок». Обращаясь к статье «Бахофен и русская наука», М. О. Косвен признал некоторую имеющуюся в ней несчетливость, объясняющуюся трудностями в подборе материала. Он признал также, что отсутствие политической оценки деятельности и взглядов отдельных представителей русской науки снижает ценность статьи и является серьезной ошибкой; периодизация этапов развития русской науки и характеристики этих этапов сделана им неудачно. Отвечая С. М. Абрамзону, М. О. Косвен сказал, что до войны Маргарет Мид написала несколько полезных работ, дальнейшие же ее деятельность и взгляды не были известны ему в момент написания рецензии, в 1944 г. В заключение проф. Косвен поблагодарил за указания на конкретные ошибки, имевшие место в его теоретических статьях, сказав, что товарищеская критика поможет ему и его ученикам в дальнейшей работе, в которой будут использованы все ценные указания, высказанные при обсуждении.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов выразил уверенность в том, что оно принесет большую пользу проф. М. О. Косвену, редакции журнала и всему коллективу Института. При критике работ М. О. Косвена нельзя забывать, сказал С. П. Толстов, что это наш, советский ученый, один из передовых представителей этнографической науки, который борется с нашими идеологическими врагами. М. О. Косвен своей работой в области теоретических вопросов истории первобытного общества во многом способствовал тому, что сейчас наши этнографы твердо стоят на позициях учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о первобытном обществе. Статья «Бахофен и русская наука», подвергшаяся очень серьезной критике, поднимает важнейший вопрос о месте русской науки в разрешении проблем первобытности. Статья эта очень актуальна, так как и сейчас некоторые наши ученые недооценивают вклад русской, особенно — советской науки в разработку теоретических проблем этнографии, археологии, истории первобытного общества. Примером такого рода может служить книга выступавшего здесь проф. Равдоникаса — университетский курс «Истории первобытного общества», где в соответствующих разделах приводится масса имен более чем второстепенных иностранных авторов, большую часть которых совсем не нужно знать студентам, а советские этнографы и археологи совершенно забыты. В своих статьях М. О. Косвен поднимает острые теоретические вопросы, дает бой реакционной науке, спорит с современными нам идеологическими врагами, а не с давно умершими и всеми забытыми авторами. Постановка М. О. Косвеном проблемы авукулата представляет собой образец борьбы за утверждение всеобщности матриархата в понимании Энгельса, Ленина, Сталина. Статья эта принадлежит к числу лучших работ профессора Косвена, о чем уже говорили П. И. Кушнер и Н. А. Бутинов. В ней блестяще вскрывается диалектика развития первобытных общественных форм, раскрывается внутренняя противоречивость ряда институтов переходного периода от матриархата к патриархату, доказывается невозможность существования авукулата в классическом матриархате. Товарищи, пытавшиеся здесь противопоставить взгляды М. О. Косвена на авукулат взглядам Энгельса, желали ли они этого или не желали, взяли под защиту взгляды современных противников учения о матриархате, за буквой высказывания Энгельса об авукулате не разглядев его сущности. И Энгельс и Косвен видят в авукулате пережиток матриархата, свидетельство о его былом повсеместном существовании. Но те критики статьи Косвена, которые хотят этот пережиток сделать основным институтом матриархата, вольно или невольно

отменяют этим самый матриархат, сводя его, вопреки Энгельсу, Ленину, Сталину, только к материнскому счету родства и увековечивая господство в семье мужчины (брата матери) и подчиненное положение женщины, т. е. делают то же, что и современные буржуазные авторы, против которых направлена статья Косвена. Несколько слабее статья «Семейная община», но в ней имеется то же стремление — показать институты первобытного общества в их развитии. Обвинение М. О. Косвена в идеализации семейной общины вряд ли можно принять. Его характеристика ранней формы семейной общины почти дословно совпадает с характеристикой Энгельса. Наоборот, серьезно ошибается проф. Равдоникас, нарисовавший в своей книге «История первобытного общества», т. II, нарочито мрачную, можно сказать — садистическую картину жестокости, кровожадности, якобы свойственной человеку низшей ступени варварства. Из того бесспорного факта, что у истоков человеческой истории не было никакого «золотого века», отнюдь не следует, что у этих истоков надо помещать, вслед за идеологами современного империализма, какой-то первобытный Майданек или Освенцим, — а так именно получается у проф. Равдоникаса.

Из серьезных ошибок, действительно допущенных проф. Косвеном в обсуждаемых статьях, С. П. Толстов указал прежде всего на грубую ошибку в статье «Бахофен и русская наука». Здесь М. О. Косвен отступил от принципа партийности в вопросах историографии, не показал общественно-идеологического лица отдельных представителей русской науки, общественных основ ее различных течений. М. О. Косвен поддался здесь теории «единого потока», недооценил и не показал значения периода зарождения ленинизма в развитии русской этнографической науки. В другой статье М. О. Косвен не счит нужным сообщить читателю о взглядах Ф. Энгельса на авункулат. Ряд подобного рода ошибок свидетельствует, по мнению С. П. Толстова, о том, что прав С. А. Токарев, указавший, что в работах проф. Косвена сохранились серьезные пережитки «дурного академизма», «академического снобизма», недопустимые для советского ученого, долг которого пропагандировать учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, постоянно указывать на тот огромный вклад, который сделали классики марксизма-ленинизма в нашу науку. Эти пережитки дурного академизма находятся в противоречии с основной исследовательской линией проф. Косвена. М. О. Косвен, признавший эти свои ошибки, должен изжить их, и чем скорее, тем лучше. Большая часть вины за эти ошибки падает на редакцию журнала «Советская этнография» и руководство Института, обязанностью которых было помочь здесь М. О. Косвену и которые сами проглядели этот серьезный недостаток в его статьях. Справедливость требует указать, что в той или иной мере аналогичные ошибки имели место и в историографических статьях Н. Н. Степанова и С. А. Токарева и тоже остались незамеченными и неисправленными редакцией.

Несмотря на то, что по некоторым поднятым на дискуссии вопросам общая точка зрения не достигнута, сказал проф. Толстов, нужно признать, что назревшие большие вопросы, связанные с работами одного из виднейших представителей советской этнографии, получили широкое, всестороннее обсуждение, в ходе которого был правильно вскрыт ряд недостатков, осознанных теперь и самим проф. Косвеном. М. О. Косвен учтет сделанные ему ценные указания. Редакция также сделает на будущее серьезные выводы для себя по линии более строгого подхода к помещаемым статьям и помощи авторам в их работе. В заключение С. П. Толстов выразил сожаление, что теоретическими проблемами первобытности занимаются лишь единицы, это снижает качество и темпы теоретической работы в области общей этнографии. Несомненно, настоящее обсуждение привлечет к разработке проблем первобытной истории новые силы советских этнографов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

27 апреля 1948 г. А. Н. Рейнсон-Правдин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Игра и игрушка народов обского севера». Автор поставил себе целью выявить социальную значимость игры и игрушки этих народов, вскрыть обуславлившие их развитие социальные корни, выяснить формы, содержание и функции игры и игрушки и их тесную связь с трудовыми процессами, искусством, религией на различных этапах исторического развития обских народов. Игра и игрушка, доказывает автор, отражают общественно-экономический строй данного народа, его мировоззрение, культуру; основные функции игры и игрушки — содействовать выработке у детей необходимых для их будущей деятельности физических качеств, передать потомству приобретенные трудовые навыки, культуру и опыт общественной жизни старших поколений. Опираясь на исследованный материал, А. Н. Правдин опровергает абстрактные идеалистические теории происхождения игры и игрушки, идущие от тезиса о бесполозности их (теории «игры от избытка сил», «игры-удовольствия» и др.). На конкретном материале обских народов, не имевших письменности, автор показал, что для них игра и игрушка, наряду с фольклором, были основными средствами передачи детям навыков мужского и женского труда и традиций национального искусства. В ходе исторического процесса, устанавливает автор, содержание, формы и функции игры и игрушки изменяются; спадают религиозные